
СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ЧЕМ РУСЬ ИЗДРЕВЛЕ ДЫШИТ...”

Александр Ширяевец. Песни волжского соловья. Избранное. Тольятти: Фонд “Духовное наследие”, 2007. 276 стр. Тираж 1000 экз.

Том избранных стихотворений и поэм Александра Ширяевца, изданный в прошлом году фондом “Духовное наследие” и включивший многие малоизвестные и ранее не публиковавшиеся произведения поэта, – дорогой подарок современному русскому читателю, особенно молодому читателю, имеющему подчас весьма смутное, а большей частью и искажённое представление об уникальном литературном направлении, которое представляла так называемая “новокрестьянская плеяда”.

Сергей Есенин – в начале творческого пути, Николай Клюев, Пимен Карпов, Сергей Клычков, Пётр Орешин... Разные, во многом несхожие друг с другом – и объединённые общими творческими устоями: философией “избяного космоса”, культом трудовой нравственности, кровной связью с русским природным миром... У Александра Ширяевца в этом содружестве по-особому складывалась судьба. Большую часть жизни он прожил в Туркестане, первые его книги выходили в Ташкенте, и один из своих сборников – “Бирюзовая чайхана” – он целиком посвятил Востоку... А вечными спутницами его поэзии – где бы он ни жил – оставались Волга, Сызрань, родимое село Ширяево-Буерак, по имени которого он, Александр Васильевич Абрамов, взял себе творческий псевдоним.

“В междугорье залегло – в Жигулях моё село. Рядом Волга... Плещет, льнёт, про бывалое поёт...” Песенной удалью Ширяевца были покорены и Аполлон Коринфский (“Радуюсь своим волжским сердцем, что это вступающее в литературную жизнь дарование – русское по духу и не носит на себе никаких следов декадентского вырождения”), и Николай Клюев (“Два-три года, как стал известен своими нехитрыми песнями, звонко сложенными, затаившими в себе нечто от красных песельников Степана Разина, удалых разгулий великой русской реки”, – писал старший друг в “Звезде Вытегры”, хоть и советовал Ширяевцу “ради песни... жить в старой Ладоге или в Каргополе, а не в Бухарщине”), и Сергей Есенин (“Приветствую Вас за стихи Ширяевца... Извините за откровенность, но я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения”...)

Однако здесь не умолчишь и конём не объедешь: Ширяевец рассчитывал на признание своего творчества не только в кругу единомышленников. Он послал свою книгу “Запевка” Владиславу Ходасевичу и получил запоминающийся ответ:

“Мне совсем не по душе весь основной лад Ваших стихов – как и стихов Клычкова, Есенина, Клюева: стихи писателей “из народа”. Подлинные народные песни замечательны своей непосредственностью. Они обаятельны в устах самого народа, в точных записях. Но, подвергнутые литературной, книжной обработке, как у Вас, у Клюева и т. д., – утрачивают они главное своё достоинство – примитивизм. Не обижайтесь – но ведь всё-таки это уже “стилизация”.

И в Ваших стихах, и у других упомянутых мной поэтов – песня народная как-то подчищена, вылощена. Всё в ней новенькое, с иголочки, всё пестро и цветисто, как на картинках Билибина. Это те “шёлковые лапотки”, в которых ходил кто-то из былинных героев, – Чурило Пленкович, кажется. А народ не в шёлковых ходит, это Вы знаете лучше меня.

Народная песня в народе родится и в книгу попадает не через автора. А человеку, уже вышедшему из народа, не сложить её. Писатель из народа – человек, из народа ушедший, а писателем ещё не ставший. Думаю – для него два пути: один – обратно в народ, без всяких поползновений к писательству; другой – в писатели просто. Третьего пути нет”.

Сергей Есенин в разговоре с Юрием Либединским однажды как бы заочное ответил на все подобные рассуждения.

– ... Вот есть ещё глупость: говорят о народном творчестве, как о чём-то безликом. Народ создал, народ сотворил... Но безликого творчества не может быть. Те чудесные песни, которые мы поём, сочиняли талантливые, но безграмотные люди. А народ только сохранил их песни в своей памяти, иногда даже искажая и видоизменяя отдельные строфы. Был бы я неграмотный – и от меня сохранилось бы только несколько песен.

И напрасно Ходасевич не вспомнил ни “Тонкую рябину” В. Сурикова, ни “Песню разбойника” А. Вельмана, ни “Среди долины ровныя” А. Мерзлякова, ни “Дубинушку” А. Ольхина, ни “То не ветер ветку клонит...” С. Строилова, ни своих любимых “Коробейников” Некрасова (маленький отрывок из большой поэмы стал воистину *народной* песней), ни своих современников Я. Репнинского и его “Плещут холодные волны”, ни Г. Галину (“Трасвааль, Трансвааль, страна моя...”). Ширяевец, почуяв еле прикрытый снобизм и лукавство, которыми проникнуто ходасевичевское письмо, ответил своему корреспонденту достаточно зло, едко и иронично, не рассчитывая, естественно, на то, что Ходасевич поймёт его иронию: “И что прекраснее: прежний Чурила, в шёлковых лапотках, с припевками да присказками, или нынешнего дня Чурила в американских щиблетах, с Карлом Марксом или “Летописью” в руках, захлёбывающийся от открываемых там истин?... Ей-Богу, прежний мне милее!... Знаю, что там, где были русалочки омуты, скоро поставят купальни для лиц обоего пола, со всеми удобствами, но мне всё же милее омуты, а не купальни... Да и как не уйти в старину от теперешней неразберихи, ото всех этих истерических воплей, называемых торжественно “лозунгами”... Может быть, чушь несу я страшную, это всё потому, что не люблю я современности окаянной, уничтожившей сказку, а без сказки какое житьё на свете?... Очень ценны мысли Ваши, и согласен я с ними, но пока потопчусь на старом месте около мельниковой дочери, а не стриженной курсистки...”

Носителям подобных “ценных” советов, “дохленьким гениям столиц” он посвящал жёсткие отповеди:

*О, “маги” рифм, изысканных донельзя,
Волхвы с бульваров Питера, Москвы,
Не стоите вы пуговицы Эрзи
И волоса с конёнковской главы!*

“Потомок вольных атаманов, под говор волжских волн я рос...” Этот говор мы и ныне слышим в его циклах “Вольница”, “Стенька Разин”, в поэмах “Мужикослов” и “Палач”. И неотразимо впечатление от цикла “Голодная Русь”, впервые полностью опубликованного в настоящей книге.

*А людей, что травы,
Покошено!
Доволен гость непрошенный,
Незванный,
Голод — окаянный!*

Прошенный был голод 1922 года. Прошенный... Такой же прошенный был кошмар, как и в начале 1990-х, когда на городских улицах наши глаза созерцали то же, что видел и описывал Александр Ширяевец в начале 1920-х:

*Ясноглазый мальчонка роется упрямо
У смердящей
Помойной ямы,
Удивляясь, что не пахнет полевой
Травой,
И что ковёр-самолёт
Занёс к таким большим каменным домам,
Что очень много загаженных ям,
А кругом всё куда-то торопится чужой народ...*

... Ширяевец был чужим в “интеллектуальной” литературной дореволюционной среде, “своим” он не стал и после 1917 года. “... Тем, о чём пишу я, ты и нам подобные, — писал он в письме к Павлу Поршакову, — коммунистических лбов не прошибёшь и шума не вызовешь. Нужны особенные трюки. Не забывай, в чьих руках печать”. Его видение России не совпадало с видением власть предержащих ни до революции, ни после неё, — о чём он ясно сказал в стихотворении того же 1917 года, где “за Русью-молодицей бегут два паренька”, и один сманивает её “с червонцами мошной” направо, другой — налево обещаньем “быть счастьем в шалаше”... А его России не нужна ни “мошна”, ни “шалаш”, ни “левая” и ни “правая” сторона — а свой, третий путь — на который Россия не вышла до сих пор.

Но — всё впереди.

*Верещат о тебе: никудышная-де, что покойница,
Улетела Жар-Птица твоя, сгас пожарище-плат...*

*— Надавать бы лецей тем, кто матери старой сторонится,
Кто бежит от её горемышных старинных заплат!..*

*Пусть уйдут! — не держи их! — пускай за “мадамами” гонятся!
Приникают к румянам парижской помадой усов!*

*— Ты — бабища-Кудесница!.. Скоро, ой, скоро поклонятся
Ниц тебе за моря разливные весенних хмельных голосов!*

“Дышу всем тем, чем Русь издревле дышит...” Поверить подобным строчкам и её автору в начале XX века для многих не представлялось возможным — отсюда и толки о “стилизации” и “маскараде”, не утихшие по сей день.

... К книге приложено краткое предисловие ведущего научного сотрудника Института мировой литературы им. А. М. Горького С. И. Субботина и обстоятельный очерк жизни и творчества Александра Ширяевца Е. Г. Койновой.

“После кончины Ширяевца, — напоминает С. Субботин, — его стихи и поэмы выходили в XX веке отдельными книгами четырежды (в 1928, 1961, 1980 и 1992 годах). Но ещё ни разу произведения, их составляющие, не подвергались полноценной издательской подготовке”.

И вот, наконец, издание “с полноценной подготовкой” — перед нами.

Мне лично не хватило в настоящей книге комментированной избранной переписки Александра Ширяевца и его литературно-критического очерка “Каменно-железное Чудище”.

Но — доживём и до академического издания.